

Н. В. Лабунец, Т. Н. Рацен, г. Тюмень

РЕГИОНАЛЬНАЯ ТОПОНИМИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Топонимия — особая сфера языка, бурно реагирующая на все социальные преобразования и потому наглядно отражающая политические устремления общества. Номинация топообъектов становится особенно значимой в эпоху исторических преобразований, выступая в качестве действенного орудия языковой политики и языкового строительства государства. Изучение такого рода топонимов позволяет говорить о них как об уникальном явлении советской культуры.

Тюменский материал, как, впрочем, и материал любой другой территории, дает яркий пример смены географических названий на советском и постсоветском пространстве. Архивные документы, языковые факты диалектологических и топонимических экспедиций Тюменского госуниверситета, современные социолингвистические опросы городского и сельского населения помогают восстановить фрагменты вхождения советизмов в народную топонимическую культуру региона, аспекты адаптации «искусственных» онимов в условиях «естественных», стихийно складывающихся систем. Такие процессы отчетливо проявляются в переименованиях сельских населенных пунктов, в последующих наименованиях первых колхозов, в городской топонимии.

Исторические источники (например, список населенных пунктов Уральской области 1928 г.) свидетельствуют о различных переименованиях послереволюционного десятилетия: д. Успенский монастырь > д. Школа Красной Молодежи, с. Покровка > выс. Красные Орлы (Исетский р-н совр. Тюменской обл.). В этих случаях признаком нового «топонимического мышления» может считаться прилагательное красный, заключающего в себе «революционную семантику». Однако, если учитывать языковой крестьянской жизни, следует признать, что изначально резкого противопоставления советского и исконно русского топонимикона не было.

Разумеется, политический подтекст (в том числе и в приведенных примерах) в большей или меньшей мере присутствовал всегда, но он «стирался» в живой народно-разговорной речи. Это демонстрирует прилагательное красный, которое в сибирских (тюменских) говорах имело и имеет весьма широкую семантику. В наименованиях географических объектов красный до сих пор употребляется в значении «высокий, сухой, чистый» (ср. красный берег, красный лес, красное место, красные горки). Бор Красная Елань.

Наряду с приведенными выше названиями населенных пунктов Школа Красной Молодежи, Красные Орлы в том же Исетском районе в этот же период фиксируются названия дд. Красново, Красногорское. Но последние два — более ранние и не отражают советской символики. Можно предположить, что в крестьянской стихии Сибири первых лет советской власти идеологический подтекст прилагательного красный в ряде случаев «стирался» за счет ассоциаций с народной географической терминологией.

Это, в свою очередь, объясняет тот факт, что в наименованиях первых колхозов (товарищеских артелей) кроме слова красный присутствуют и другие цветковые прилагательные: зеленый, белый, синий. Так, по данным топонимических изысканий 2002 г. на территории Нижнетавдинского района в 20-ые гг. XX в. свидетельствуются названия первых объединений коллективных собственников земли: Белая Грива, Зеленая Нива. Строго говоря, подобные обозначения топонимами не являются, но в силу метонимических процессов выступали и как географические онимы, сохраняясь в обозначении сельхозугодий.

Очевидно, что цветковые топонимы, в том числе и некоторые с прилагательным красный, не выходят за пределы традиционных русских номинаций. Политические коннотации в языковом сознании сибирских крестьян слово красный получало, по-видимому, не сразу. В этом контексте важным представляется и слово большевик. В дореволюционной лексикографии, в диалектологических записях Тюменского госуниверситета большевик встречается в целом ряде значений. Ср. слово большевик «старший в рыболовецкой артели», которое коррелирует со словами большак.

Все это может свидетельствовать о том, что первые топонимические реалии советской власти еще не имели однозначных политических интерпретаций. Этим объясняется факт, что ранние названия крестьянских объединений, хотя и включали новые лексемы, но строились по старым номинативным моделям. Судя по диалектным материалам, в номинативной практике начала 20-ых гг. XX в. использовалась актуальная модель «растения», «животные», «насекомые», однако лексическое ее наполнение уже отличалось от предыдущего периода.

Идея свободного крестьянского труда реализовывалась в названиях первых небольших колхозов (коммун) типа «Пчела», «Муравей», идея сопричастности к культурному возрождению деревни — в названиях колхозов «Москва», «Пушкина», «Горького» (Нижнетавдинский район Тюменской области). Политизированность новой топонимии, складывающейся в регионе, сформировалась позже, когда появились названия колхозов типа «колхоз им. Кагановича», «колхоз им. Бухарина», «колхоз им. ОГПУ». Причем последнее название было своеобразным преобразованием «колхоза Пушкина». Позже тюменские колхозы получили своеобразные топонимические формулы, которые закрепились на десятилетия: Труд, Свободный Труд, Рассвет, Светлый Путь, Путь к труду, Путь к Коммунизму, Советская Сибирь, Красный Север и т. д. Однако и известные нам формулы также устанавливались постепенно, например, по данным Плана агрохозяйственного обследования Вагайского района 1957 г. название колхозного предприятия засвидетельствовано в форме ед.ч. сущ. завет: Завет Ильича. На более поздних картах свидетельствуется форма мн.ч.сущ.: Заветы Ильича.

Позже, когда колхозы переставали существовать, названия могли оставаться и становиться полноправными топонимами — названиями населенных пунктов, которые входили в состав бывших колхозов: д. Новый Путь (Нижнетавдинский район), д. Коммунар (Исетский район) карта 1964 г., бор Куйбышева, бор им. 8 Марта, Ударник. Различные процессы в колхозном и совхозном строительстве вели к укрупнениям/разукрупнениям Ленинка (Лавреновка, Окуневка, Хмелевка, Мандровка, Каменка, Степановка, Осиновка и др.) Ильичевка, Ленино д. Ленинские Дни, Пролетарка. Более поздние — Комсомольская, Юность Комсомольская. Красный Восток > Востокский летник (Востоцкий > Востокский) д.Машкино (нежил.на карте 1964 г.), позже — МТС, Заготзерно, Куйбышево > ур. Куйбышева > Куйбыши.

В названиях совхозов стали преобладать образования оттопонимические. Кроме всего прочего, такие наименования, имеющие прямое отношение к топонимии. Перестали выполнять адресную функцию, поэтому в основе новых обозначений стали находиться ойконимы: схз. Юргинский, схз. Гольшмановский, хотя сохранялись и идеологические формы типа схз. Маяк, Советская Сибирь, им.Ленина, Болото Маяк, поле На Маяке. По законам живой топонимии мотивация таких слов стирается, поэтому уже через два десятилетия названия лесных урочищ Маяк, На Маяке мотивируется существительным «маяк»: «Маяк потому, что штаги там были сделаны, контрольные пункты вроде». Пахарское поле — колхоз раньше был «Пахарь», Поле по Комсомольской Дороге: «Там избушка была, комсомолец первый построился».

Концепция топонима не стоит на месте. Вместе с обществом она переживает стремительные изменения. В настоящий момент мы наблюдаем низкую политизированность общества и — как следствие — практическое затухание интереса к географической номенклатуре, которое 10 лет назад выливалось в продолжительные споры и дискуссии. Активное, творческое отношение к топонимии сменилось использованием, которому безразлично, названа ли улица именем советского политика или по монастырю, здесь некогда находившемуся. Советские топонимы сливаются с окружающим пространством, теряя свою исходную общественную и эмоциональную нагрузку, становясь неразличимыми для будущих поколений.

Литература

1. Афинская З. Н., Кулаженкова Л. Н. Городская топонимика как семиотическая проблема // Современные концепции научных исследований. Т. 5 из Часть 4. Евразийский Союз Ученых Москва, 2015. С. 6–8.
2. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства. М., 2010.
3. Бочкарева А.С. Топонимика Кубани в системе историко-культурного наследия Великой Отечественной войны // Вестник Кубанского государственного аграрного университета, 2015. № 109. С. 1026-1040.
4. Быканова В. И. Топонимы как источник информации о национальном менталитете // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования, 2013. № 6. С. 108–110.
5. Сафонова В. В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж: Истоки, 1996. 238 с.
6. Смирнова Е. В. Топонимические культурные доминанты в гастрономическом тезаурусе испанцев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: русский и иностранные языки и методика их преподавания, 2015. № 1. С. 87–90.